

ЕКАТЕРИНА ГОРДЕЕВА

УЛЬТРАМАРИН

НАРИСОВАННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Екатерина Гордеева

Ультрамарин.
Нарисованная реальность

«Феникс»

2026

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2=411.2)6-445.

Гордеева Е. Ю.

Ультрамарин. Нарисованная реальность / Е. Ю. Гордеева —
«Феникс», 2026

ISBN 978-5-222-48107-3

Главная страсть Люса — живопись. Однажды он получил в подарок необычайно дорогую краску — природный ультрамарин. «Сослужит он службу великую», — так молвил старец. Но Люс даже и предположить не мог, насколько «великую»... Ультрамарин переносит его в другую реальность, где Люс находит отца, давно пропавшего без вести. Но в этом мире не остается места для матери Люса. Теперь ему нужно понять, как соединить две реальности так, чтобы родители снова были вместе. А может, это возможность нарисовать новую судьбу? Однако ультрамарин скрывает множество тайн. Воспоминания и волшебство сплетаются, открывая путь к загадкам прошлого. Как Люсу разгадать их? И какой выбор он сделает в конце, чтобы изменить судьбы своих близких и любимых людей?

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2=411.2)6-445.

ISBN 978-5-222-48107-3

© Гордеева Е. Ю., 2026
© Феникс, 2026

Содержание

Глава I. Ценный подарок	6
Глава II. «Попутный ветер»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Екатерина Гордеева

Ультрамарин. Нарисованная реальность

© Гордеева Е., текст, 2026

© Enma Shikiten, ил., 2026

© ООО «Феникс», 2026

«Синий ультрамарин – краска благородная, прекрасная и совершеннее всех остальных, ничего нельзя сказать против нее, она вызывает одну похвалу».

Ченнино Ченнини

Глава I. Ценный подарок

До каменной ограды оставалась пара шагов.

– Эй, куда намылился, лопоухий?

Люс обернулся, и тотчас ему в грудь угодил небольшой кожаный мячик, набитый песком. Из легких выбило воздух. Люс качнулся назад, но устоял на ногах.

Расслабленной походкой к нему направился Кабан – одноклассник Люса, рослый, крепко сбитый парень. И хотя Кабану, так же как и Люсу, было четырнадцать, выглядел он на все двадцать. Кабан, разумеется, был не один: еще трое таких же дюжих парней шли за ним.

– Нехорошо уроки прогуливать, – ухмыльнулся Кабан, подхватил с земли мячик и стал подбрасывать его. – Куда собрался-то?

– Ты и сам прогуливаешь, – парировал Люс. – Так что давай разойдемся по-хорошему.

– «По-хорошему»? – загоготал Кабан. – Не, ребят, вы это слышали? «По-хорошему», говорит. А если по-плохому? Что будет? Учителя позовешь? Или нет. К мамочке побежишь жаловаться? Больше-то не к кому. Папашку же давно смыло в море.

Люс покраснел от злости и сжал кулаки.

– Хорош, Кабан, – вмешался плечистый Аррат. – Пацан не виноват, что у него отец пропал.

– Может быть, и не пропал, – сплюнул Кабан, – может, бабу себе где-нибудь там нашел да и остался...

Договорить он не успел: Люс заехал ему кулаком в челюсть. Но тягаться с Кабаном худощавому Люсу было бессмысленно. Мощным ударом Кабан уложил одноклассника на землю и уже занес руку для нового, как один из дружков бросил:

– Ходу, ребят! Там учитель Лейф!

Кабан взял Люса за грудки и, встряхнув, процедил:

– Повезло тебе сегодня, маляр. Только теперь смотри по сторонам.

Он быстро поднялся и вместе с остальными скрылся за каменной оградой.

Люс не стал дожидаться, пока его обнаружит учитель. Устроит еще головомойку да на занятия вернет. Но сегодня был слишком хороший день, чтобы мучиться в стенах школы. Поэтому Люс как можно скорее встал и, несмотря на звон в ушах, тоже поторопился перелезть через невысокую каменную стену.

* * *

Бледное солнце в этот майский день радовало жителей Падокко – скромного городка, угнездившегося на скальных берегах Большого моря, в самой северной части Аларии. Серые каменные дома с черными крышами теснились на узких кривых улочках-лабиринтах, булыжные мостовые змеями тянулись вниз, к берегу моря.

Люс на пару мгновений остановился на центральной площади. Свежий морской бриз взъерошил льняные волнистые волосы, забрался под расстегнутый ворот рубашки, надул, словно паруса, широкие штаны. Взгляд светло-серых глаз устремился вдаль – туда, где в просвете домов была видна гавань. Море искрилось в лучах полуденного солнца. У деревянных пирсов, выстроенных в ряд и похожих на гребенку с неровными зубьями, стояли большие и малые суда.

В широкой бухте, глубоко вдававшейся в сушу, располагался большой порт, где в основном и кипела жизнь города. Отсюда рыбаки уходили в море, чтобы вернуться с добычей. Сюда приезжали купцы, чтобы продать товары или выменять на них кости и шкуры морских животных, рыбу, жир.

Даже издали было видно, насколько оживленно в этой части города: по мосткам то и дело сновал работный люд, грузчики, рыбаки, торговцы; в поисках наживы над их головами летали чайки и альбатросы, а между ногами путались бездомные собаки и кошки.

Люс отвернулся: он не любил шумный порт и старался обходить его стороной.

Восемь лет назад шестилетний мальчик, крепко держа за руку маму, махал отплывавшему кораблю под названием «Попутный ветер». На нем отправлялся в очередное плавание отец Люса – Алаин Тигальд, бесстрашный капитан, настоящий морской волк. Домой он должен был вернуться месяца через три. Его шхуна, нанятая каким-то богатым купцом, шла с товарами на юг Аларии, в город Хегоальдеко. Но, как узнали позднее, до места корабль так и не добрался.

Друзья Алаина, такие же храбрые моряки, несколько месяцев искали пропавший «Попутный ветер» (или хотя бы его останки), для чего бороздили Большое море, заплывали в самые отдаленные уголки, расспрашивали торговцев и рыбаков, но спустя год, прекратив бесплодные поиски, решили проститься с Алаином и членами команды навсегда.

Холодным зимним днем в порту, на причале, откуда ушел «Попутный ветер», собрались верные товарищи, знакомые и семьи погибших. Люс плохо помнил, кто и что тогда говорил.

Но помнил, как его мать Элида прижимала к себе сына, дрожа от мокрого ветра и рыданий. Он помнил, как на воду спускали деревянные лодочки с зажженными свечами. Как лодочки, покачиваясь, уплывали вдаль. Как одна свечка, захлебнувшись волной, потухла и опрокинулась. Люс хотел сказать об этом матери, но, подняв глаза, испугался. Мама больше не плакала. Она поникла головой, ссутулилась, ее лицо посерело, а взгляд будто застыл, остекленел. Мама и сама стала похожа на погасшую свечу.

Когда они вернулись домой, Элида долго сидела за столом, сжав голову руками. Люс подошел к ней и произнес: «Мама, я найду папу. Стану моряком, как папа, и когда-нибудь обязательно его найду». Элида зажала рот ладонью, чтобы вновь не разрыдаться, потом крепко обняла сына и горько прошептала: «Боюсь, это невозможно, мой мальчик».

Тогда он действительно верил, что сможет найти отца. Но неумолимое время шло, а вместе с ним гасли в душе огоньки надежды. Вскоре от них остались лишь тлеющие угольки. Желание стать моряком, пойти по стопам отца оказалось мимолетным. Повзрослев, Люс понял: то были пустые, наивные, детские мечты, за которыми гнаться бессмысленно. Мысли о корабельной жизни вызывали в душе Люса лишь тревогу и напоминали о том, чего он лишился навсегда. К тому моменту у него появилась собственная страсть – Люс хотел не бороздить море, а рисовать его.

Склонность к рисованию заметил в мальчике еще Алаин. Отец видел, как сын старательно выводит какие-то каракули то палочкой на песке, то угольком на стене, и однажды подарил ему акварельные краски, кисти и бумагу, которые привез из дальнего плавания. Так искусство крепко вошло в жизнь Люса и завладело им. Все свободное время мальчик посвящал любимому занятию. Иногда даже прогуливал уроки, где-нибудь коротая время с блокнотом и карандашом.

Но чаще его можно было увидеть на Диких Берегах, что в западной части города. Здесь к скалам лепились редкие домишки, росли низкие кустарники. Самой крайней точкой Диких Берегов была отвесная скала, которая врезалась в море, словно корабль, несущийся на всех парусах.

Люс любил это место и часто приходил сюда. Здесь он ставил этюдник, доставал бумагу, краски, и из-под кисти рождались волны. Люс боготворил море, даже несмотря на то, что оно отняло у него отца. Видел в нем почти живое существо – дикое, мыслящее, подчас спокойное, добродушное, покорное, но чаще неукротимое, страшное, беспощадное, способное проглотить целый корабль. Люс писал марины, но, с другой стороны, боялся самого моря и мечтал когда-нибудь уехать вглубь материка, чтобы больше не слышать, как волны с вечной, неизбывной тоской бьются о скалы, не чувствовать соленое дыхание морских ветров, не видеть, как приходят и уходят корабли.

* * *

Солнечные дни были редкостью в Падоко, и сегодня Люс, решив воспользоваться теплой погодой, улизнул с уроков и побежал домой за этюдником и красками. На счастье Люса, мамы дома не оказалось. Юноша мигом собрал необходимые принадлежности в этюдник, сложил его и, повесив на плечо, поскорее выскочил на улицу. Люс поднял глаза и, щурясь от солнца, с удовлетворением отметил, что небо до сих пор оставалось почти чистым: редкие облачка, словно заблудшие овечки, проплывали мимо и, не задерживаясь, бежали дальше. Поправив лямку сумки, Люс направился к Диким Берегам.

Он с наслаждением думал о том, как будет рисовать в одиночестве и спокойствии. Однако мысли то и дело возвращались к недавней стычке с Кабаном. После встречи с ним у Люса слегка гудела голова и болела левая скула, на которой расплывался сине-багровый синяк. Но это мало волновало юношу. Как и постоянные обидные слова, тычки, подколы, сыпавшиеся

чуть ли не каждый день. Больше всего Люса взбесили слова Кабана об отце, о том, что тот мог не вернуться не потому, что погиб, а потому, что нашел новую семью. Изредка и у самого Люса мелькали такие мысли, но он всегда гнал их прочь. Подобное просто не укладывалось в голову. Отец никогда бы так не поступил с ним и с мамой.

В смутных мыслях Люс наконец вышел к мосту, перекинутому через глубокую теснину. Гомон и суeta городских улиц остались позади. Справа шумел водопад, слева, вдали, плескалось мирное море, по дну расщелины струилась бурная река Хьярта. Впереди вытянулся каменный арочный мост, с незапамятных времен соединявший район Диких Берегов с остальной частью Падокко. О древности моста говорили парапеты, где местами обвалился камень, да полуразрушенные статуи на них.

На мосту не было ни души. Впрочем, ничего удивительного: район Диких Берегов считался самым малонаселенным, поэтому и встретить здесь человека днем случалось редко.

Вдруг на противоположной стороне ущелья показалась гроыхающая тележка, чем-то доверху груженная и плотно накрытая парусиной. Человека, везущего поклажу, не было видно, но повозка катилась с трудом, ее упрямо клонило в сторону. Въехав на мост, она возмущенно закрипела и загрохотала еще громче, стуча колесами по неровным каменным плитам. Внезапно повозка, наехав на выступающий булыжник, резко подпрыгнула, а разболтавшееся переднее колесо сорвалось с оси и отлетело в сторону. Возок накренился и осел набок.

Люс бросился на помощь: схватил колесо, катившееся по мосту, и подбежал к тележке. Ее хозяином оказался невысокий старец с длинной, посеревшей от грязи бородой, в которой запутались мелкие веточки и листики. На его костлявом теле болталась бесформенным мешком серая хламида. Спутанные седые волосы, доходившие до плеч, спереди были заплетены в тонкие косички и убраны назад. На запястьях – несколько браслетов, сделанных из камушков, ракушек, монеток, желудей. Красноватое лицо старика было изборождено морщинами. Кустистые брови почти закрывали синие глаза, в глубине которых светилась мудрость, накопленная годами. Тонкие сухие губы растянулись в добродушной, ласковой улыбке.

– Вот, это ваше, – юноша протянул колесо.

– О! Как славно! – улыбка старца стала еще шире и обнажила неровные желтые зубы. – Коли не торопитесь вы, мил человек, не откажите в помощи одинокому страннику. Приладить бы колесо на место.

Люс вскинул брови, услышав витиеватые речи, но произнес:

– Я не тороплюсь. Конечно, давайте вам помогу.

– Вот и славно! Вот и славно! – радостно пробормотал хозяин повозки.

Юноша бережно положил этюдник на землю и подошел к охромевшей тележке.

– Ее нужно немного приподнять, тогда получится поставить колесо на место, – сказал он скорее самому себе, взглянув на сухонького старичка, который в ответ лишь кивнул, сцепил пальцы у груди и продолжил улыбаться.

Люс пожал плечами и поискал глазами добротный булыжник. Затем выбрал увесистый кирпич, лежавший неподалеку, и, поднатужившись, подтащил к тележке. Люс приподнял повозку за один край («Что у него там, сокровища, что ли?! Тяжесть-то какая!» – промелькнуло в голове) и попытался одной ногой пододвинуть кирпич под телегу. Мгновение тот сопротивлялся, потом уступил и спустя несколько минут упорного толкания оказался под тележкой. Тяжело выдохнув, Люс плавно отпустил ее и тотчас почувствовал дрожь в руках. Раскрасневшийся и взмокший, он покосился на старика. Тот смотрел неотрывно, и выражение лица его – безмятежно-добродушное, но при этом как будто бы изучающее – не менялось.

Положение тележки выровнялось, и теперь юноша смог приладить колесо на место. Хорошенько вбив клинышек (который, по счастью, тоже обнаружился недалеко) в отверстие оси, Люс наконец отряхнул руки и устало оперся о парапет моста.

– Надеюсь, ваша телега не развалится вновь после моей помощи, – с улыбкой обратился он к старику.

– Отныне, я уверен, мой путь завершится благополучно, – медленно, растягивая слова, словно пробуя каждое на вкус, ответил старец. – А твои труды требуют всенепременного вознаграждения, – он приподнял парусину, которая укрывала вещи в телеге, и принялся что-то искать.

Вскоре старик выудил небольшой футляр, обтянутый кожей, и со словами благодарности вручил его юноше. Люс пытался было сопротивляться, но хозяин повозки решительным жестом его оборвал:

– Я нынче редко встречаю людей, в тот же час готовых помочь и не требующих ничего взамен. Вижу: ты добрый человек, – а потому заслуживаешь сей скромный дар.

Люс все еще с сомнением смотрел на протянутую коробочку, но затем взял и, щелкнув застежкой, открыл ее. И тут же ахнул от удивления. Внутри футляра хранилось шесть стеклянных баночек, на каждой из которых было написано: «Ультрамарин».

Несколько секунд юноша горящими глазами смотрел на бесценный подарок, потом, словно опомнившись, тряхнул головой, закрыл коробку и вернул старику.

– Извините, – вдруг охрипшим голосом сказал Люс. – Я не могу принять такой совсем не скромный дар. Эта краска необычайно дорогая и редкая. Если вам на пути попадется какой-нибудь богатый художник, он заплатит за нее огромные деньги.

– В моей повозке немало иных сокровищ, – юноше показалось, будто старец голосом выделил последнее слово. – И злата звон меня не манит. Твои слова внушают к тебе большое почтение. Думаю, я не зря выбрал именно этот подарок.

В душе Люса происходила неистовая борьба: скромность, конечно, не позволяла взять краски, но, как художник, он понимал, что ультрамарином ему, быть может, не придется владеть никогда. Краску эту получали из полудрагоценного камня ляпис-лазури, который добывали в далекой южной стране Зафират. По стоимости ультрамарин приравнивался к золоту.

Люс стоял так почти минуту, немигающим взглядом смотря на заветную коробочку, а в голове вихрем проносились извечные вопросы, в основе которых лежит всегда сомневающееся «или». Но старик прервал его размышления: он взял руку юноши и положил ему на ладонь футляр, затем прошелестел:

– Это дар. Прими его без мыслей смутных.

Не успел Люс опомниться, как старец уже взялся за телегу и тихонько покатыл ее. Молодой человек подбежал к нему и с жаром произнес:

– Огромное вам спасибо! Вы не представляете, насколько это ценный подарок для меня!

– О нет! Я знаю, сколь важен для тебя сей цвет заморский, – растянув губы в благодушной улыбке, промолвил хозяин повозки и наставительно прибавил: – Но дорожи им, как мать бережет чадо свое. Сослужит он службу великую.

Люс весело закивал, прижав коробочку к груди и все еще дивясь странному наречию старца. Он смотрел, как тот неторопливо везет тележку, которая нынче покорно катилась и скрипела как будто бы бойчее. Когда старик добрался почти до самого конца моста, Люс вдруг кинулся к нему.

– Постойте! – крикнул он, подбегая. – Скажите, как вас зовут? Кого я буду вечно благодарить?

Старец широко улыбнулся, а синие глаза его лукаво засверкали.

– Имя мое – Зоам Була, – он приложил костлявую ладонь к груди и поклонился.

Люс склонился в ответ и прибавил:

– А я – Люс.

– Наше знакомство принесло мне безмерную радость. Может статься, мы свидимся вновь. Прощай, Люс!

– Счастливого пути! – ответил юноша.

Старец, толкнув тележку, покатил ее дальше. Молодой человек развернулся и снова направился к Диким Берегам. Спустя полчаса, преодолев крутые склоны, Люс вышел к отвесной скале, острым углом врезавшейся в море. Редкие лишайники, мох да прозрачные кустики скромными клочками покрывали это пустынное место.

Юноша установил этюдник, приготовил бумагу, краски и, взяв кисть, прежде устремил взгляд в темно-синюю даль моря, как всегда делал это перед началом работы. Вдалеке белели паруса какого-то судна. Солнце успело опуститься ниже, и небо постепенно заволакивали облака, а горизонт чернел и хмурился. Подул резкий холодный ветер, внизу громче зашумели волны. «Стоит поторопиться», – подумал Люс и сделал несколько мазков. И вот уже через некоторое время на бумаге появилось бушующее море и очертания корабля, поднявшегося на гребень высокой волны.

Пока Люс рисовал, он все думал о странном старце, случайно – или не случайно? – повстречавшемся ему на пути, и мысли вертелись вокруг ценного подарка. Юноше не терпелось воспользоваться новыми красками, но он понимал, что подобная роскошь не для этюдов. И все же взгляд невольно нет-нет да и обращался в сторону заветной коробочки.

Наконец Люс не выдержал, поднял футляр, осторожно открыл и достал одну баночку. Затем закрыл его и бережно положил на землю. Попробовав краску на палитре, юноша подивился ее безукоризненной синеве. Насыщенный чистый цвет завораживал. Люс неотрывно глядел на него, потом, словно загипнотизированный, перенес взор на бумагу, и рука сама начала колдовать над наброском. Смешивая ультрамарин с другими цветами, юноша теперь получал нужные ему оттенки. И с каждым взмахом кисти картина будто оживала: море клочкотало и пенилось, свинцовое небо, казалось, опустилось к самой воде, грозно свистел ветер, а одинокий корабль болтало из стороны в сторону.

Для Люса вокруг уже ничего не существовало. Перед собой он видел лишь вздымающиеся валы, сгустившиеся темные тучи да солнце, в одно мгновение из светло-желтого ставшее черно-багровым. Он слышал, как ревут бешеные волны, рокочет яростный вихрь, скрипят снасти на корабле и оттуда доносятся крики.

Внезапно солнце исчезло, будто его проглотило чудовище. Наступила непроглядная тьма. В тот же миг сильный порыв ветра толкнул юношу. Люс упал на четвереньки, ощутив под собой мокрый дощатый пол, который в следующую секунду накренился. Люс покатился вниз. Чья-то цепкая рука, больно сжав запястье юноши, рванула его в сторону; Люс нащупал канат и ухватился за него. Грубый хриплый голос рядом прокричал сквозь дикий шум:

– Держись, парень, сейчас накроет!

Едва слова успели долететь до слуха Люса, как его с головы до ног окатило холодной водой. Все тот же голос вблизи смачно выругался. Юноша тряхнул мокрыми волосами и утер с лица соленую воду.

Вспыхнула молния – и Люс с ужасом увидел освещенную на миг палубу корабля, заливаемую водой то с одного борта, то с другого. Юношу забила крупная дрожь. Он намертво вцепился в канат и крепко зажмурился. «Это кошмар. Я уснул. Ничего этого нет», – в страхе твердил он про себя. Но сумасшедшая качка не прекращалась, а ветер по-прежнему ревел.

Люс открыл глаза. Сердце его гулко колотилось, посиневшие пальцы, казалось, окаменели. Убрав со лба налипшие волосы, он огляделся. Тьма переставала быть кромешной: море кипело в бело-снежной пене, все чаще сверкали молнии. На корабле все находилось в движении: одни матросы бегали по звенящим вантам и закрепляли паруса, другие, навалившись на помпы, откачивали воду, человек пять было приставлено к штурвалу. Недалеко от Люса, крепко держась за перила лестницы, ведущей на шканцы, стоял кряжистый невысокий мужчина с темной густой бородой и черными волосами, собранными в хвост. Его широкие штаны и синяя куртка, из-под которой виднелась серая рубашка, насквозь промокли. Хриплым голосом (по нему Люс узнал человека, который несколько мгновений назад помог ему) он выкрикивал команды, перемежая их с руганью, и глядел на верхушки мачт – туда, где лихие марсовые, держась одними ногами, резали рваные полотнища и крепили новые.

Сначала одна, потом вторая волна ударом положила судно почти на бок. Корабль уже не плыл, а, казалось, летел среди разбушевавшегося моря, чертя ряями по вздувшимся валам. Люс еще сильнее вцепился в канат, втянул голову в плечи и поджал под себя ноги. Он снова зажмурился, так как потоки ледяных брызг нещадно хлестали по лицу. Не было никакой возможности двинуться: любой шаг в сторону мог сбросить молодого человека в воду. Оставалось только ждать, пока судно хоть как-то выровняется.

Через некоторое время корабль выправил положение и теперь то вздымался на вершину очередного гребня, то падал вниз. Еле оторвав онемевшие пальцы от леера, Люс с трудом стал продвигаться вперед вдоль борта. Буквально в двух шагах он заметил проем и трап, ведущий на нижнюю палубу. Спрятаться хоть куда-нибудь сейчас было его единственной мыслью. Юноша попробовал выпрямиться, но в эту секунду сломанная под напором ветра стеньга полетела вниз.

– Берегись! – услышал он смутно знакомый голос и обернулся.

Однако увидеть, кто произнес эти слова, молодой человек не успел: деревянный брус с глухим стуком ударил его по голове.

Глава II. «Попутный ветер»

Сквозь открытые окна доносились мужские голоса, с разным ритмом стучали молотки, плескалась вода, натужно скрипело дерево.

Люс медленно разлепил глаза.

Над ним нависал деревянный потолок. Попытавшись оглянуться по сторонам, юноша почувствовал пульсирующую головную боль. Сжав челюсти, он дотронулся рукой до висков: лоб был туго забинтован. «Неужели мне все это не приснилось?» – промелькнула пугающая мысль. Люс поднялся и сел в постели. В ушах зашумело.

Стараясь не делать резких движений, он свесил ноги с кровати и осмотрелся. Страшные догадки подтверждались: Люс находился на корабле и, судя по убранству, в капитанской каюте.

В центре помещения располагался круглый деревянный стол, покрытый желтой скатертью с бахромой. На нем лежали карты, секстант, компас, бумаги, закрытая чернильница с пером, две жестяные кружки, изукрашенная резьбой шкатулка да раскрытая книга, которую листал теплый ветерок, влетающий в распахнутые кормовые окна. Вокруг стола были расставлены четыре обшарпанных стула. Рядом с кроватью, под окнами, нашел себе место массивный кованный сундук. Напротив, в другом углу, стоял пузатый буфет, большую часть которого занимали вовсе не посуда и съестное, а книги, фигурки из дерева и какая-то детская картинка.

Рисунок привлек внимание Люса и что-то напомнил. В голове суматошно замелькали, как в калейдоскопе, разные образы. И вдруг сердце юноши застучало быстрее. Превозмогая тошноту и боль, он встал и, шатаясь, добрался до буфета. За стеклом, прибитый гвоздиком к задней стенке, красовался неумелый рисунок, изображавший море, солнце и корабль с белым парусом. В уголке пожелтевшего листа была нацарабана подпись, сделанная детской ручкой: «Папе от Люса».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.